

— Я же тебе говорил, что игрушек не хватит!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 36 (1650)

ГОД ИЗДАНИЯ 40-й

30 ДЕКАБРЯ 1961

— Год пролетел прямо с космической быстротой!

НОВОГОДНИЕ ТОСТЫ,

составленные на всякий случай

Виктором Ардовым

Тост № 1

Перестраховка как отрицательное явление выражается едва ли не во всех высказываниях и в повседневном поведении субъекта, страдающего этим недостатком. Даже веселый новогодний тост может быть испорчен перестраховкой. В ночь на 1 января перестраховщик за столом изъясняется примерно так:

— Товарищи, я долго колебался, прежде чем взять в руки данный бокал с данным почти безалкогольным... во всяком случае, малоалкогольным вином. И если я все-таки поднял данный бокал и позволяю себе произнести... ммм... ну, что ли, тост... если хотите, здравицу... или, еще лучше, короткое информационное сообщение... даже скорее некоторые замечания по поводу сегодняшней нашей встречи... собрания... вернее даже, беседы... застольной, безусловно, то это исключительно потому, что перед всеми нами, товарищи, встает новый бюджетный год, каковой, безусловно, не отметить было бы грубой ошибкой.

Но вопрос: как отмечать? Надо прежде всего поздравить друг друга с окончанием прошедшего производственного года и с началом нового. Товарищи, кто там храпит? Давайте проснитесь, слушайте! Я сейчас кончу говорить! А вообще, если вы так уж хотите веселиться, шли бы себе куда-нибудь в клуб или в ресторан... Я сейчас кончу, товарищи. И вообще мое время еще не истекло. Могли бы и потерпеть... На чем я остановился?... Ах, да! Новый год... А кому он нужен, если говорить всерьез? Разным шалопаем, у которых не хватает поводов выпить? Они бы и без Нового года придумали бы, за что и где выпить... Легкомысленно это все как-то. Расходы, шум, крики, эксцессы... Мое глубокое убеждение: перед тем, как объявлять этот пресловутый Новый год, надо было бы взвесить все «за» и «против». И если бы стали взвешивать, я не убежден, что появилось бы такое указание: встречать Новый год. Далеко не уверен. Ура!

Тост № 2

Его следовало бы назвать так: частновладельческая элегия.

— Граждане, попрошу всех налить себе по рюмке и приготовить закуску: я желаю произнести тост. Петр Семенович, а вы что же ничего не приготовили на тарелке? Ну, возьмите ножку вот этого поросеночка... Берите, берите, чего там! Чай, не купленный поросенок, сами его выкормили на нашем участке, в нашем сарае, нашими помоями... И огурчика к нему возьмите солененького... Тоже из своего родного, домашнего бочоночка. А в бочонок он откуда попал, этот огурец? С грядки. Со своей. В нашем огороде. Нашими удобрениями обработанный огород... Иэх! И укроп в этом рассоле свой, родимый, с нашего же огорода... Иэх! Вот я тут похваляюсь, а в душе червь точит. «Ой,— говорит он мне, червь то есть,— ой, ненадолго это все: и свои грядки, и своя скотина, и сарайчики, и домик, и участок, и удобрения!» Подбираются уже к нам. Сами, небось, читали: что только про нас пишут!.. Будто мы тигры какие-нибудь лютые. А мы что? Мы ж никого не трогаем... Мы же все, что вырастили у себя на участке, свезли на базар: покупай, кто хочет... Не хочешь покупать — не надо. Другие купят... Н-да, выпьем, друзья, чтобы новый год был для нас не хуже старого! Всем счастья и успехов! Дай бог нам остаться при своих поросятах и удобрениях! Ура!

Тост № 3

Его уместно произносить на встрече в складчину.

— Товарищи! Я хотел бы поблагодарить нашу милую хозяйку Зою Степановну, которая так потрудилась для всех нас сегодня... Налейте же мне... нет, нет, прошу шампанского: тост под эту кислотину не пойдет! Как так «нету»?! Шампанского уже нету? Ну, знаете! Мне даже и пятидесяти граммов не досталось... Н-да... Так я говорю: поблагодарим нашу чудесную хозяйку, которая приняла на себя все основные хлопоты по организации нашего праздничного стола... Нет, в самом деле, поглядите, чего-чего тут только нет: винегрет, грибочки, ветчина... была! Тоже уже съели. Частиковые консервы потом... Что там еще на том блюде? Ах, тоже винегрет. Н-да... В общем, мы-то отделались только тем, что внесли по четыре рубля. По пять рублей, вы говорите? Тем более! И за пять рублей мы только и видим, что винегрет да частичка, частичка да винегрет... Ну, ладно. Я хотел сказать, что наша добрая Зоя Степановна буквально радуется всех нас этой своей самоотверженной способностью выставить на стол от силы рубля по два на душу, тогда как взято с каждого по пять рублей. Урррра!..

— Ура! Папа привез синтетическую елку!

АРГО

С наступающим!

Если спешишь ты, товарищ, на праздничный пир
Место занять за столом средь родных и товарищей,

Если оторванный ты от своих пассажиров,
Плавающий, путешествующий иль летающий,
Если работник милиции ты и стоишь на посту,
Телефонистка дежурная, мало ли кто еще,—
Я предлагаю:

— Взгляни хоть на миг в высоту,
Это сегодня занятие самое стоящее!
Что вы увидите там на сегодняшний день
Или, вернее сказать, на сегодняшний вечер!
Небо как небо.

Сапфир, бирюза и сирень...
Обе Медведицы...
Млечный струящийся глетчер...
Тысячесвечным прожектором все залито...
Месяц парад принимает... Подтянутый,
собранный...
Небо как небо.

И все же как будто не то!
Вечер как вечер.
И все же какой-то особенный!

А почему!

Потому что, взгляды в этот мир,
Вы замечаете сразу, друзья-наблюдатели:
Эти оттенки —

сирень, бирюза и сапфир —
Неприкасаемость как бы частично утратили.
Было холодное, гордое... Нынче не то.
Стала домашней, ручной Зодиакова Дюжина...
Небо, оно на сегодняшний день обжито,
Вроде как вымыто,

больше того — отутюжено.
Небо, которое видел старик Галилей,
Небо, измеренное Николаем Коперником,
Вот оно, вот оно здесь, на ладони твоей,
Ныне подвластно Икара счастливым

соперникам!
Наше, родное... Вошедшее в наш кругозор.
Наше —

в стремительном взлете над Вечным Покоем,
Неба такого никто не видал до сих пор!
Здравствуй, Такое!

Небо,
открывшее непостижимый Зенит,

И мировые порядки светил и созвездий,
Небо,

в котором доселе звенит и звенит
Песня о нашем,

о Коммунистическом съезде!
С этим ли Годом сравнятся былые года!
Время найдется ль такое, как Время

Московское!
Пусть наш снаряд с нашей песней несется
туда —

В небо
Эйнштейна,
Кибальчица
и Циолковского!

* * *

Мы размечтались,
а тут завершается круг.
Стрелка идет — заждались все друзья
и товарищи!

Старый рукою махнул —
что ж, прощай, милый друг!
Новый стоит на пороге.
Друзья, с наступающим!

— Дорогая и любимая наша мама, поздравляем тебя с праздником.

Тост № 4

И, конечно, не обойтись без тостов очко-стирательских. Вот пример такового:

— Дорогие товарищи, этот тост позволю-те провозгласить за успешное окончание нашим предприятием годового плана. Как всегда, мы выходим на новый год с огромной припи... то есть я хочу сказать, с огромным **привыполнением**... виноват: **пере**, а не **привыполне-нием**. Да. Нам опять, товарищи, грозит отличное **перевыполне-ние** нашего плана. Что-то порядка процентов пятнадцати-сем-надцати...

Голос с места. Ого!

— Вот вам и «ого»! А вы как думали?

Голос. А я думал, нам не хватит до ста процентов этак два-дцати—двадцати пяти про...

— Ну, это вы уже загнули! Если я говорю — семнадцать, значит — семнадцать. И не **недовыполнения**, а исключительно **пере! Пере!** И если хотите знать, Николай Васильевич распорядился, чтобы все высказывались только в таком смысле.

И наверх пошли уже сведения о **пере!** Понимаете? **Пере!**

Голос. Я тоже считаю, что **пере...** (Общий смех).

— То-то! Давно бы так!..

Голос. Нет, я хочу сказать, что вы **переборщили**. (Смех.)

— А? В каком смысле переборщили? Непонятно.

Голос. Поймете, когда вас **переведут** на низовую работу, если только не **пере...**

— Еще «пере»?!

Голос. Ага! **Пересажая**ют по новому закону. Да! (Смех, аплодисменты.)

— Товарищи, как хотите, но я отказываюсь произносить тост в таких условиях, когда вы аплодируете человеку, позволяющему себе **пере...**

Голос. Ну-ка, ну-ка, какое еще «пере»?

— Перебивать меня и перегибать палку, несмотря на указа-ние дирекции! И я умоляю, поскольку я **пере...**

(Оратора заглушает смех.)

Три новеллы

ИЛЬХАН (Турция)

НА СТАМБУЛЬСКОЙ УЛИЦЕ

Томас УОЛКИНС (США)

ДИКИЙ ЗАПАД

Однажды некто Абди встретил на улице человека по имени Зюхтю, очень похожего на его старого знакомого. «Он или не он?» — подумал Абди. Но тут он заметил у незнакомца родинку над левой бровью. «Ну, конечно, это он», — сказал себе Абди. С этими мыслями Абди приблизился к незнакомцу и воскликнул:

— Здравствуй, дружище, где ты пропадал столько времени?!

Зюхтю сначала удивился, а потом вдруг как схватит Абди за шиворот:

— Что ты сказал? А ну-ка повтори!

— Я сказал: «Здравствуй, дружище!» Что ж ты хочешь, чтоб я тебя чертом рогатым назвал?

— Ты мне зубы не заговаривай. Мой сосед — агент тайной полиции и как раз служит в том отделе, который занимается коммунистами.

— Ну и пусть себе служит, братец.

— Ага, то «дружище», то «братец»! Да ты и впрямь коммунист!

— Да отпусти ты мой воротник! Ведь прохожие подумают, что мы деремся. Давай лучше поговорим по-дружески.

— Ага, вот ты и проболтался: «не будем ссориться, поговорим по-дружески...» Это язык русских...

— Уфф... Какая погода сегодня хорошая...

— Как? Как?

— Погода, говорю, хорошая. Про погоду я говорю... Да ты отпусти мой воротник!

— Погода, говоришь! Бестия, кого ты хочешь обмануть? Когда ты говоришь о погоде, ты имеешь в виду космос! Сейчас ты, наверное, начнешь рассказывать мне про успехи русских в космосе.

— Милостивый аллах!

— Ты номера не выкидывай! Говоришь про аллаха, чтобы показать себя настоящим мусульманином... Ты, бессовестный, и галстук-то зеленый надел, наверное, только потому, что красного под рукой не оказалось. Я коммуниста за десять километров узнаю. Меня не проведешь.

— У меня терпение лопнуло! Отпусти воротник, не то я тебя!..

Еще мгновение, и они набросились бы друг на друга. Но в это время появляется сосед Зюхтю, тот самый, который якобы служит в тайной полиции. Оказывается, он близкий друг Абди. Жестами, глазами он дает Абди знак молчать.

Зюхтю же, как только замечает своего соседа, начинает орать во всю глотку:

— Поймал, Сырры-бей, коммуниста поймал! Вот передаю его вам в руки. Я свой долг выполнил, а что с ним дальше делать, вы лучше меня знаете. Парень не успел рта раскрыть, как уже назвал меня товарищем.

— Будьте спокойны, Зюхтю-бей, я во всем разберусь, не волнуйтесь... Счастливого пути!

После того, как Зюхтю удаляется, Сырры дружески берет Абди под руку, и они уходят. Абди обращается к Сырры:

— Ты вовремя подоспел, я уж и не знал, как мне отвязаться от этого типа...

— Что делать, теперь много таких... Начитаются газет и становятся, как одержимые...

— Однако ты тоже хорош! Сердись не сердись, но столько лет скрывать от своего друга, что служишь в тайной полиции...

— Ха-ха-ха... Призываю аллаха в свидетели, Абди, что ничего общего не имею с тайной полицией.

— Так, значит, этот тип соврал?

— Нет. Но ты пойми, ведь он мой сосед. Этот маньяк приставал ко мне каждый день, как к тебе сегодня. Ну, я и не нашел другого выхода, кроме как сказать ему, что я служу в тайной полиции.

Перевел В. Данилов.

Ночь. В глухом лесу по грязной дороге медленно ехал одинокий всадник. Он проделал уже длинный путь, сильно устал и порой впадал в дремоту. Вдруг лошадь вздрогнула и остановилась.

— Стой! Руки вверх!

Из лесного мрака вышел высокий усатый джентльмен с двумя пистолетами в руках. О побеги нечего было и думать. Оставалось только стиснуть зубы и повиноваться. Грабитель забрал у путника лошадь, деньги и усакал. С большим трудом ограбленный добрался до ближайшего городка. Он остановил первого встречного и спросил, где живет судья.

— Вот там, в том доме, но увидаться с ним вам не удастся.

— Как так? Почему?

— Потому что вчера ночью его нашли убитым.

— Вот как?! Тогда проведите меня, пожалуйста, к мэру.

— Это невозможно.

Джованни ГУАРЕСКИ (Италия).

Симулянт

Полицейский Мерлетто кончил свой доклад:

— Джозефина Трико, урожденная Тестони, пятидесяти восьми лет, вдова, довольно легкого поведения, не занималась политикой, найдена мертвой у себя в квартире. На лбу — глубокий след от удара утюгом, что, по мнению консьержки, и повлекло...

— Выяснил, кто последний поднимался к старухе? — перебил его комиссар.

— Так точно, выяснил: человек, который занимается продажей книг и утверждает, что он букинист. Рост — метр восемьдесят, толстый, светлые волосы. Консьержка совершенно уверена...

— Ладно. Тащи его сюда.

Полицейский Мерлетто возвращается через два часа.

— Из букинистов обнаружил пока только некоего Белизера, но до вечера мне обещали еще двух.

— Что это за птица — твой Белизер?

— Рост — метр пятьдесят, худой, бывший черноволосый, ныне лысый.

— Давай его сюда.

Входит Марк Белизер, сорока пяти лет, худой, лысый и дрожащий.

— У меня все в порядке, — суетливо бормочет он. — Пожалуйста, вот мои документы, вот патент на торговлю книгами.

— А про убийство старухи утюгами ты тоже в своих книгах вычитал? — лукаво усмехается комиссар.

— Утюгами? — заикается букинист.

Полновесная пощечина помогает ему быстрее уразуметь суть вопроса.

— Я свободный гражданин! — взвизгивает человек. — Вы не имеете права дотрагиваться до меня!

— Он прав, — подтверждает комиссар. — Конституция запрещает дотрагиваться до него руками.

Натужно крикнув, комиссар приподнимает со стола чугунное пресс-папье и роняет его на ногу букинисту. Когда нога злодея вновь обретает спо-

собность ощущать землю, комиссар участливо спрашивает его, в каких все-таки книгах прочел он про этот способ убийства беззащитных старух и кто ему помогал.

Как всякий начинающий преступник, кровоопец сипит, что ничего не знает. Комиссар, кажется, очень опечален этим ответом. Он давит пальцем на кнопку звонка.

— Постарайся помочь ему вспомнить, — объясняет он гиганту, появившемуся в дверях.

Гигант молча кивает, сгребает садику за шиворот и исчезает.

Минут через двадцать гигант возвращается, неся под мышкой что-то похожее на узел тряпья. Когда-то этот узел был букинистом Белизером.

— Ну как?

— Во всем сознался, подлец, — докладывает гигант, швыряя узел на стул. — Это он взломал сейф у ювелира.

— Какой к черту ювелир! — ревет комиссар. — Он убил старуху! Утюгом, понятно? Неужели тебе, болвану, надо по сто раз объяснять?

— Виноват, — смущается гигант, отыскивая у садику воротник, — сейчас начнем все сначала.

В этот момент вбегает полицейский Мерлетто.

— Ложная тревога! Старуха вовсе не окачурилась, оказывается, она полезла на шкаф за утюгом, и он упал ей на голову. Прихожу сейчас к ней, а она уже скачет.

Комиссар обращается к букинисту:

— Видите, в какое трудное положение вы меня ставите. Теперь по закону я обязан арестовать вас за симуляцию преступления. Убирайтесь!

— Шпасибо, — шамкает бесталанный симулянт, пытаясь затолкнуть на место коренной зуб. — Меня, понимаете, впервые вызывают в полицию. Я еще не привык.

— Заведи на него карточку, — приказывает комиссар агенту, проводив глазами симулянта. — Не нравится мне этот тип. Ты слышал, как он орал о свободе личности?

Перевел М. Беленький.

На шутилой волне

ОСТОРОЖНОСТЬ

Жена Брауна ушла из дому и не вернулась. Браун обратился в полицию. Дежурный предложил ему точно и детально описать пропавшую супругу.

— Хорошо,— сказал Браун,— но при одном условии: если моя жена будет обнаружена, ни в коем случае не показывайте ей это описание.

КТО ПРАВИ?

Когда муж с женой явились на вокзал, поезд уже ушел.

— Если бы ты не копалась так долго, мы бы не опоздали,— сказал муж.

— А если бы ты меня не торопил, нам не пришлось бы так долго ждать следующего поезда,— возразила она.

КРАТКОСТЬ — СЕСТРА ТАЛАНТА

В школе писали сочинение на тему «В гостях у бабушки». Самое короткое сочинение гласило: «Бабушки не было дома».

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

— Ты знаешь какой-нибудь рецепт против любви с первого взгляда?

— Да, взглянуть второй раз!

ДВЕ ПОЛОВИНЫ

На собрании акционерного общества в Чикаго оратор остро критикует правление.

— Половина наших директоров ни на что не способна!— возмущается он.

— А другая половина?— спрашивает кто-то из слушателей.

— Другая половина способна на все.

ПОМОГЛО

К зубному врачу входит пациент. — Придется удалить зуб,— говорит врач после осмотра.

Больной трясется от страха. Врач наливает ему рюмку водки.

— Ну, выпейте для храбрости!

Пациент выпивает, но не перестает дрожать. Врач наливает ему еще рюмку, потом третью, четвертую. Заметив, что больного больше не трясет, врач спрашивает:

— Ну, как? Набрались вы храбрости?

— О-го!— отвечает пациент.— Пусть теперь кто-нибудь посмеет притронуться к моему зубу!..

ПОЗДНО...

Человек стоит перед лотком продавца лотерейных билетов.

— Значит, вы говорите, я могу выиграть сто тысяч франков?

— Разумеется...

— А когда состоится тираж?

— В следующую среду...

— Не подойдет; деньги мне нужны к этой субботе.

ПОСЛЕДНИЙ КРИК

Продавщица в магазине шляп обращается к клиентке, только что выбравшей шляпку:

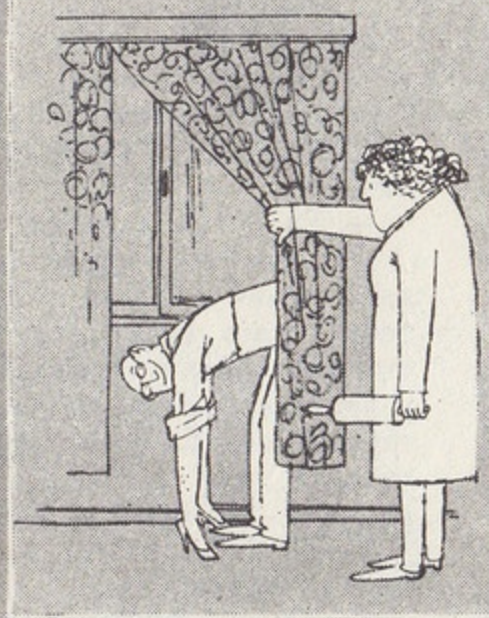
— Это последний крик, мадам.

— Конечно, если не считать крика моего мужа, когда он узнает цену.

Художник немецкого журнала «Ойленшпигель» Генри БЮТТНЕР работает в жанре юмористического рисунка. Нужно обладать большой фантазией и определенным складом ума, чтобы из номера в номер радовать читателя смешными миниатюрами.

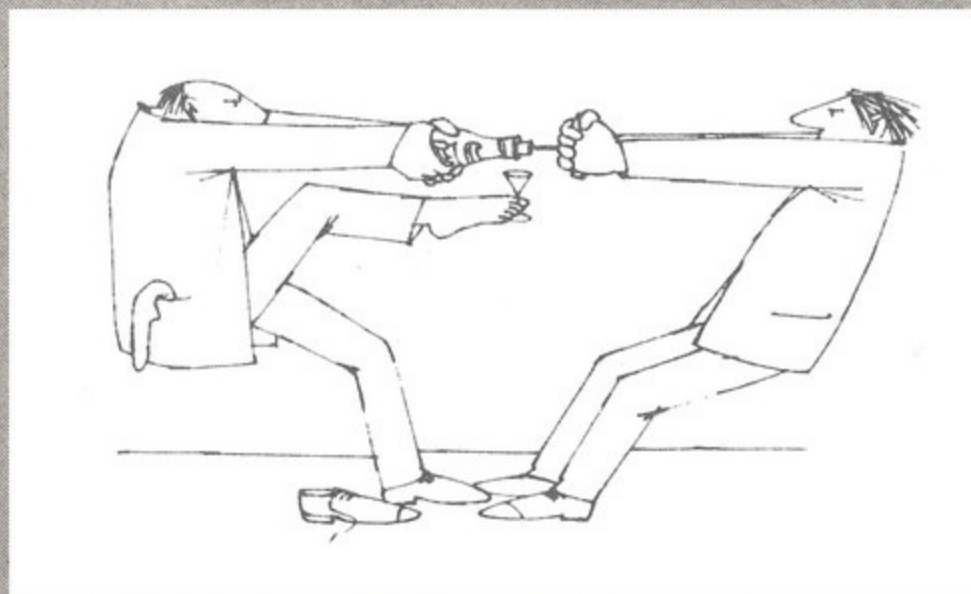
Лучшая похвала художнику — когда читатель ждет новых встреч с ним и узнает его работу, не глядя на подпись. Генри Бюттнера можно узнать всегда — по тонкому штриху и по тонкому искусству юмориста.

Ангел-хранитель в аду.

Все хотят видеть.

На шутилой волне

В ЦЕЛЯХ ЭКОНОМИИ

На дверях мясного магазина, хозяин которого испытывает серьезные финансовые затруднения, висит объявление: «Требуется продавец. Желательно вегетарианец».

БОЛЬШЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ

Разговор двух приятельниц.

— У моего мужа скоро день рождения. Не знаю, что и подарить ему.

— Подари ему книгу.

— Зачем? У него уже есть одна.

ИМИТАТОР

К цирковому антрепренеру приходит неизвестный артист.

— Я предлагаю вам сенсационный номер. Я подражаю птице.

— Птице? Нет, не надо, у меня уже полно имитаторов.

— Жаль,— сказал артист и выпорхнул в окно.

БЛАГОДАРНОСТЬ

— Вы знаете, слоны обладают удивительной памятью. Однажды мой друг, гуляя в джунглях, вытащил занозу у маленького слоненка. Так вот, лет через пять, сидя в цирке на представлении, он вдруг увидел, как перед ним остановился огромный слон. Да, это был тот самый слоненок, его поймали и приручили. Он нежно обнял моего друга хоботом поперек туловища и перенес его с дешевого места в ложу люкс.

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

В купе входит гангстер с револьвером в руке и будит пассажира:

— Просыпайся! Давай сюда кошелек!

Пассажир открывает глаза.

— Ух, как вы меня испугали! У меня нет ни копейки.

— Чего же ты испугался?

— Я думал, это контролер, а я еду без билета.

БЕДА С ЭТИМ ПАУЛЕМ

— Какие у вас прелестные двойняшки! Как вы их различаете?

— Петера различаю легко, а вот Пауля часто путаю.

НА СТРАШНЫЙ СУД В СМОКИНГЕ

Один предприимчивый австралийский торговец снабдил свой товар следующей рекламой: «Если вы хотите спасти душу, купите у нас погребальный костюм. Появившись на небе в элегантной одежде, вы увеличите свои шансы в глазах божьего суда!»

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ

Решительный отказ — это если пришлешь в редакцию пять эпиграмм, а тебе оттуда вернут восемь.

НЕ ВЕЗЕТ

Вечная неудача: стоит мне только познакомиться с хорошим человеком — или он женатый, или я уже замужем!

КАМНИ И ОРХИДЕИ

Цветы дарят тем, кого любят, камни бросают в тех, кого ненавидят. Это аксиома, то есть истина, не требующая доказательств. Не одно тысячелетие прошло с того дня, когда человек впервые преподнес цветы другому человеку, выражая тем самым свою любовь к нему. Не меньше времени прошло и с тех пор, когда человек впервые бросил камень во врага своего.

Это старо, как мир. Тем не менее американский журналист Д. Рэдлер решил проверить правильность извечной аксиомы. Объектом своих исследований он избрал... самого себя, а в качестве места действия почему-то предпочел территорию нескольких стран Латинской Америки.

И вот что случилось уже в самом начале этого необычного эксперимента.

«Я осторожно ехал вдоль узкой улицы в Гондурасе... — так Д. Рэдлер начал описывать свои впечатления о Южной Америке в журнале «Харперс» — Стайка ребятишек заметила меня. Тут же один из них схватил камень и швырнул его в машину.

— Янки, убирайтесь домой! — закричал он. Другие дети подхватили этот клич и бросились вдогонку за моим автомобилем».

Наука требует: каждый новый эксперимент должен быть многократно повторен, прежде чем будет доказана новая научная истина. Д. Рэдлер следует этому требованию и свидетельствует:

«Я наблюдал подобные сцены в Мексике, на Кубе, в Гватемале, Никарагуа, Коста-Рике, Панаме и Колумбии. У меня нет причин верить, что в других странах Латинской Америки дело обстоит иначе».

Что ж! Верные наблюдения, хотя Д. Рэдлер Америки не открывает. Не только ему, амери-

канскому журналисту, выпала такая честь — быть встреченным в странах Латинской Америки камнями и лозунгами «Янки, убирайтесь домой!». История свидетельствует, что столь горячий прием уже стал традиционным при визитах высокопоставленных американских сановников в страны Латинской Америки.

«За что же такая немилость?» — этот вопрос гложет Рэдлера. Частично ответ подсказывается уже в самом заголовке его статьи: «Наш национальный талант — оскорблять людей».

Американцы плохо воспитаны, вздыхает Рэдлер. Они, сами того не ведая, налево и направо оскорбляют людей, в данном случае латиноамериканцев. Д. Рэдлер приводит слова, сказанные ему одним жителем Гондураса:

«Вы, янки, начинаете вести себя так, как вели себя немцы, собираясь завоевать весь мир. Но времена сверхчеловека кончились, вот почему никто не любит вас».

И крепко не любят! Это еще раз подтвердили события, которые произошли в Венесуэле на исходе 1961 года.

Столица страны Каракас неожиданно превратилась в фронтовой город. На улицы вышли танки и вооруженные до зубов парашютисты. Войска и полиция были приведены в состояние боевой готовности. На военноморской базе близ Каракаса бросил якорь корабль шестой эскадры Атлантического флота США. Мало этого. В Венесуэлу прибыли две тысячи (!) агентов американской охраны ФБР.

Что случилось? Кто же угрожал этой небольшой стране?

Оказывается, госдепартамент США и правительство Венесуэлы готовились к... встрече американского президента Кеннеди, решившего нанести визит в Каракас.

Не иначе как в госдепартаменте и в венесуэльском правительстве сидят предусмотрительные люди. Они, вероятно, читали воспоминания Рэдлера и других потерпевших в странах Латинской Америки.

Как только в Каракасе стало известно о предстоящем визите, там не осталось, пожалуй, ни одной стены без гневного лозунга «Кеннеди — нет!».

«Визит дружбы» проходил под жерлами пушек и дулами автоматов. И если, несмотря на кордоны войск и полиции, многие все же пытались кое-чем швырять в непрошеного высокого гостя, то это были отнюдь не орхидеи.

«Придет ли время, когда малые дети будут бросать в нас не камнями, а орхидеями?» — с тоской вопрошает автор.

Это не праздный вопрос. Д. Рэдлер, побывав в Южной Америке, убедился и в том, что ее жители умеют не только ненавидеть, но и любить. Смотря кого, правда.

«На стенах крестьянских хижин, — пишет Д. Рэдлер, — я видел портреты Фиделя Кастро рядом с изображениями Христа и пресвятой девы... Я видел лозунги: «Да здравствует Кастро! Янки, убирайтесь домой!» А на плантациях и в районах, где живет беднота, представители администрации банановых компаний не смеют произнести ни слова против Кастро, потому что для них это равносильно самоубийству. Я знаю это точно, потому что сам был там. К сожалению, большинства из наших «специалистов» по Южной Америке там не было».

— И хорошо сделали! — добавим мы. — Ведь их наверняка встретят не орхидеями.

В. НИКОЛАЕВ

Предпраздничный метод обслуживания.

— Не выйти бы на орбиту!

В ночь под Новый год.

Кому что...

— Почему у вас такие облезлые елки!
— Иголки продаем отдельно...

— Товарищ милиционер, не отнимайте у детей иллюзию!

Подсунули...

Метафоры — потом...

Я написал повесть.

Что толкнуло меня на этот рискованный шаг, не помню. Вышло как-то само по себе. Я наблюдал жизнь, а потом наблюдения стали настойчиво проситься на бумагу.

По неопытности думал, что получится не очень большой рассказ; вышла повесть.

Я показал ее товарищу. Он одобрил мой труд и сделал только одно критическое замечание: более опытные прозаики растягивают такой материал на трилогию.

Но какая там трилогия, я не рад, что написал повесть!

Рукопись я предложил областному издательству. Предварительно спросил редактора:

— Вам художественная литература нужна?

Он ответил:

— Да. Но смотря какой вопрос вы решаете в своей повести. И смотря где происходит действие.

— Вопрос? — Я несколько растерялся. — Ну, вопрос воспитания... Товарищество, любовь... Место действия — приморский городок.

Товарищество и любовь на редактора впечатления не произвели, но, услышав о приморском городке, он немедленно принял решение:

— Нет. Это не для нас. Не наша область. Отсюда до ближайшего моря знаете сколько? Если будете переделывать, перенесите действие в наш центр...

— Но это невозможно. У меня герой тонет в море...

— Пусть тонет в колхозном пруду. Кстати, о прудах — ведь это целая проблема! Вот вы и положите ее в основу... Обрыбление водоемов, мальковое хозяйство! А?

На обрыбление повести я не согласился, и мой собеседник адресовал меня в морское издательство «Приливы и отливы».

Первая фраза, которую я услышал в «Приливах», ободрила меня, от нее повеяло надеждой:

— Раньше у нас была установка выпускать только специальную методическую литературу. Теперь есть мнение даже служебные инструкции пропускать, так сказать, через художественную призму. Помните, как это у Пушкина сказано: «сквозь магический кристалл».

Последние фразы, которые мне сказали в «Приливах» через несколько дней, повергли меня в уныние:

— В вашей повести мало воды. Да-с... Действие в основном происходит на суше. А по методической части вы, конечно, слабы. Эксплуатации сухогрузных судов у вас не научишься.

Мне посоветовали обратиться в «Профновости». Редакция художественной литературы этого издательства, как мне сказали, переживала жестокий кризис.

Действительно, почему бы не издать повесть в «Профновостях»? Все герои ее — люди работающие, не тунеядцы, значит, они члены профсоюза.

Но я просчитался: в повести было мало собраний и других мероприятий, а это непростительный грех.

Я попытался создать из героев профгруппу, но из этой затеи ничего не вышло. Пришлось капитулировать. И тут меня осенила спасительная идея:

кто-то где-то сказал мне, что в повести очень неплохо получились женские образы.

Через час я уже был в подъезде дома, на котором красовалась монументальная вывеска: «Редакция журнала «Альма-матер».

Потом я имел разговор со строгой женщиной, не выпускавшей из руки толстый красный карандаш. Постукивая карандашом по столу, она не торопясь произнесла:

— Вы, конечно, не Жорж Занд и не Элиза Ожешко, но написали довольно мило...

— Значит, можно надеяться? — обрадованно спросил я.

— Нет. Это мило, но не для нашего журнала. Для нас это не подходит.

— По какому признаку?

— По признаку пола. У вас среди персонажей много мужчин.

Как и все предшествующие редакторы, женщина с красным карандашом дала мне свой совет:

— Самые удачные страницы повести — это где показана стройка. Думаю, что в «Созидатиздате» обеими руками ухватятся за ваше произведение. Они тоже балуются художественной литературой...

В «Созидатиздат» я не пошел. Мне стало ясно, что этого делать не надо, когда я просмотрел в книжном магазине его план-проспект. Среди художественных произведений там значились «роман о том, как построили печь для обжига кирпича», и «повесть о становлении башенного крана».

Я был расстроен. Я был удручен. И в этот тягостный момент меня посетил мой товарищ. Лицо его сияло, как серебряный рубль последней чеканки.

— Вот! — воскликнул он, вручая мне какую-то книжицу. — Дарю авторский экземпляр!

На обложке книги я прочитал его фамилию. Я инстинктивно потер глаза, и мой товарищ понял, что я им не верю.

— Думаешь, если я никогда не брал в руки перо, то и писать не могу? — спросил он. — Предложили написать для издания ОРУДа стихи об уличном движении. Была не была — дай попробую! Это все мой один приятель устроил...

— Какой приятель?

— Неважно. Есть такой один литератор. Фамилии его ты никогда не слышал и, наверно, не услышишь. Он пишет рассказы о кооператорах для «Кооперации Федерации». Потом заключил договор у коммунальщиков на роман о парикмахерах. Название экзотическое — «Хна и басма»... Постой, постой, ты вроде грустен...

Я рассказал о причинах своей грусти.

— Чудак человек! — хлопнул меня по плечу автор поэмы об уличном движении. — Брось хандрить и включайся в это дело. Ты знаешь, сколько сейчас разных журналов? Порядочное ведомство не считает себя таковым, если у него нет журнала и нет, черт возьми, своих летописцев. Они все жаждут худлитературы. И с авторами не капризничают: для них первым делом — тема, а метафоры — потом. Там знают, что мы не Лермонтовы, не Михаилы Юрьевичи.

Я понял, что я чудак.

Рисунок Е. ГОРОХОВА

КИНОГЕРОИ: — Выпьем за оригинальную кинокомедию!

Тост № 5

Лучше всего этот тост будет охарактеризован таким определением: тост горепедагогический.

— Дорогие товарищи, мне прямо-таки неудобно, что все вы пьете за мое здоровье, в то время как я являюсь — кем? — рядовым педагогом в нашей рядовой школе, правда, в школе, известной своими высокими показателями по успеваемости учащихся и этой... ухитренности наших преподавателей... Тут высказывалось мнение, будто я даже знаю какие-то особые секреты, как довести детей до полной и окончательной усвояемости программы во что бы то ни стало... Но это не совсем так, товарищи! У настоящего педагога ученик не уйдет домой, не получив хорошую оценку. Уж как он там ни вертись, я его заставлю ответить на пятерку или в крайнем случае на четверку. Он у меня получит эту пятерку, как миленький! Как я этого добьюсь, — это уже мое дело. Какие я ему поставлю вопросы, как я их поставлю, какие я от него получу ответы, как я их получу, — это уже вопрос моей многолетней преподаваемости. Важно только то, что я никогда не позволю себе испортить цифры успеваемости и усвояемости нашей школы и выполняемости плана по нашему району. Никогда! И я всем вам желаю в наступающем году высоко поднять и держать там, на этой высоте, успеваемость и отвечаемость ваших учеников!

ФЛЕГМАТИК

— Вот вы писатель, пишете для детей, объясните, что с ними происходит?

— А что с ними происходит?

— Странные они какие-то. Вялые. Флегматичные.

— Я этого не нахожу.

— А я нахожу! Взять хотя бы моего Андрюшку. Учится в третьем классе. Способный парень. В отца. Но вялый. Флегматичный. Ни к чему не проявляет интереса. Ничем не увлекается. Ничто его не занимает... Вспомню свое детство: найдешь, бывало, старую дверную ручку или никелированный шарик от кровати, — это же событие в жизни! Играешь с ними с утра до ночи, а на ночь под подушку кладешь, чтобы не расставаться со своими сокровищами!.. А у Андрюшки и «Конструкторы», и заводные автомобили всех систем, и действующая железная дорога с автоматикой, играй — не хочу!..

— И что?

— Не хочет. Принесешь ему, шельмецу, с полочки новую игрушку — посмотрит, повертит и сунет под кровать. Флегматик! Что у меня в детстве было? Молоток да старая пила-ножовка. А у этого и тисочки, и полный набор инструментов, и чего только нет, стругай — не хочу!..

— И что?

— Не хочет. Или, скажем, цирк. У меня от цирка на всю жизнь впечатление! А моего ипохондрика мать чуть ли не каждое воскресенье то в цирк водит, то в кино, то в театр, да еще дома он телевизор смотрит. — ему это, как семечки. Никакого интереса. Недавно мы были обрадовались. Приходит из школы, щеки горят, глазенки блестят. «Витка, — говорит, — у Генки треуголку выменял! На две итальянских. Только она немного бракованная. Трех зубчиков не хватает...» «Какая треуголка? Какие зубчики?!» «Да марка! Для коллекции. Настоящая треуголка! Редкость!..» Ну, думаю, клюнуло. Увлёкся парень. Очень мы с матерью обрадовались. Пускай хоть коллекцию собирает. Это к тому же и полезно: говорят, география лучше усваивается... А он и впрямь увлёкся. Альбом смастерил из общей тетрадки. Собирает, меняется с ребятами, с конвертов над паром отклеивает. Дома только и разговору, что про коллекцию... Ну, мы с матерью подумали, подумали и решили парню подарок сделать: купил я ему с полочки роскошный альбом прямо с марками. Они уже наклеены, аккуратные такие, одних треуголок — штук десять! И зубчики у них в порядке... Подарил. Он обрадовался поначалу, в школу понес — товарищам похвастаться. Да и есть чем: альбом — загляденье, собирай — не хочу!

— И что?

— Не хочет. Остыл. Пришел из школы скучный, сунул альбом в стол и больше до него не дотрагивается... Флегматик! Почему бы это?..

— Какой я ворон! Я мельник...

Новогодние интервью

1. Чем для вас знаменателен истекший год?

2. Ваши планы на новый год?

С такими вопросами Крокодил обратился к нижеследующим товарищам и получил нижеследующие ответы.

БЕСЕДА С УПРАВЛЯЮЩИМ
СТРОЙТРЕСТОМ

— Наш стройтрест с большим подъемом Новый дом сдает за домом. Так, к примеру, десять зданий В декабре мы срочно сдали! Мы трудились неустанно!..

— А какие ваши планы?

— Я сказал, что десять зданий В декабре мы срочно сдали. С января ж у нас задание — Ремонтировать те здания.

БЕСЕДА С ДИРЕКТОРОМ
ШВЕЙНОЙ ФАБРИКИ

Лишь за несколько недель В истекающем году мы Разработали модель Современного костюма.

— Значит, в январе примерно Он поступит в производство!

— Нет, весь новый год теперь нам Утверждать модель придется.

БЕСЕДА С ЛЮБИТЕЛЕМ
КАМПАНИЙ

— В середине декабря [Это запишите-ка!] Помогла мне и не зря Дружеская критика. Нахлбучка мне была, Потому что ранее Превращал я все дела В краткие кампании. В этом деле я погряз, Признаюсь сегодня я...

— А какие же у вас Планы новогодние!

— В учреждении моем Общими стараниями Мы январь с того начнем, Что декаду провернем По борьбе с кампаниями.

БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ
ИСПОЛКОМА РАЙСОВЕТА

— Все знают, в прошлые года Я был опекой мелкой связан И согласовывать тогда Любой вопрос бывал обязан. Зато теперь, поверьте мне, Работы стиль неузнаваем, И все вопросы мы вполне Самостоятельно решаем.

— А что несет вам новый год, Нам рассказать бы не могли вы?

— Нет, я как раз на этот счет Жду сверху точной директивы.

Интервьюировал
Владлен БАХНОВ

Рисунок Е. ГУРОВА

— Подожди, милая, сейчас будет готово!

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

SOS! Спасите! Сигнал бедствия донесся из Витебска. Спасите наши торговые души! Брак захлестывает магазины, палатки, торговые базы. С мужеством отчаяния борются с разбушевавшейся стихией товароведы. Нарращивают дамбу эксперты. В неравном поединке изнемогают покупатели. А брак все накачивается, волна за волной...

Мы едем в Витебск. Отличнейший город. Новые дома, улицы, площади. В таком новом городе как-то не хочется заниматься браком и бракоделами. Хочется ходить по магазинам, воздвигнутым взамен старых торговых хибар, и покупать добротные вещи, и писать в книгу жалоб слова, полные безотчетной любви и нежного покупателя приветом.

Вместо этого мы сидим в Бюро товарных экспертиз, знакомимся с толстенными фолиантами. Каждый фолиант — антология бракоделов. В ней описаны плоды недобросовестной работы недобросовестных людей. Заведует этой странной библиотекой Леонид Александрович Гарбуков. Он говорит мне:

— Если хотите окунуться в нашу жизнь, поработайте у нас!

Заманчивое предложение. И впрямь: почему бы не поработать? Спусти час я уже в новом качестве отправляюсь на местную швейную фабрику. И вот вместе с экспертом Михаилом Дмитриевичем Заблочкиным мы стоим у разбраковочной машины. Эксперт нажимает кнопку. Машина начинает разворачивать перед нами кусок материи. Трико костюмное Минского камвольного комбината течет по отполированной стенке, и мы видим на нем разноцветные полосы, и пятна, и еще черт знает что! Если из такого материала шить костюм, то его счастливый обладатель будет иметь дурацкий вид. Мы аккуратно ставим мелом галочки в местах брака, и Михаил Дмитриевич со вздохом заключает: «31 балл!» В переводе на ученические отметки это единица. Ткань необходимо вернуть на фабрику!

Следом за продукцией минчан на машину попадают ткань для пальто из Моршанска, сукна кутанской фабрики и пензенской, носящей красивое название «Коллективное творчество». Перед нами проплывают все мыслимые виды текстильной халтуры. Тут и полосы, и пятна, и проплешины, и затеки, утолщенные нити, жгуты и даже вульгарные дыры. Коллективное творчество в браке! Но все рекорды побивает Кунцевская ткацко-отделочная фабрика со своим непревзойденным артикулом 2208. Стоящий тут же начальник отдела снабжения швейников приходит в неистовство.

— Посмотрите, что делается на белом свете! — кричит он. — Разве из этого сошьешь костюм? Савана, и того не сошьешь! Где совесть у людей? Нет у них совести!

Начальник снабжения возмущенно поднимает руки к небу, вызывает осправедливости. Негодующе прильсывая к машины, он расчерчивает мелом всю материю.

Слов нет, кунцевский текстильный шедевр выглядит отвратительно. Материя грязно-синего цвета. Кажется, будто она уже ношена и ликована. Ткань покрыта белыми точками, словно какие-то насекомые отложили в швейных полах свои яички.

— Видите! Мухомоватость! — снова взрывается снабженец. — Руки и ноги за это поломать надо! Да разве их выучишь?

— Неужели это не в первый раз? — осведомляюсь я.

— Черта с два — в первый! А тысячи метров материи, которые мы недавно забраковали?

Тысячи метров кажутся мне полемической гиперболой.

— Он не верит! — бушует снабженец. — Вы что, эксперт или дитя? Вас вчера отняли от груди? Дайте ему акты!

Мы читаем акты. Из них мы узнаем, что три тысячи двести пятнадцать метров швейкота были забракованы фабрикой и экспертизой. 31 балл! Кунцевские текстильщики согласились с этой оценкой. Они только просили не поднимать шума. Они сдадут свой гнилой товар в магазины,

авось, ротозей-покупатель влопыхах сграбастает их ширпотреб.

Рабочий день кончается. Мы выключаем машину. На следующее утро я узнал, что тридцатилетний штурм свирепствует не только у текстильных берегов.

Вильнюсские меховщики с фабрики имени Витенберга прислали 450 утильных шапок-ушанок. Артекский завод металлоизделий Свердловской области отгрузил 500 ржавых ножиц для стрижки баранов. Остричь ими покупателей не удалось. Ножицы забраковали.

Целый табун коней Краснохолмской фабрики детской игрушки отправлен обратно. Вот как описывает эксперт внешний вид этого поголовья: «...отбитые уши, разбитые ноги, треснутое тело... Сильные вмятины, крупные пятна от повторной окраски, сквозные дыры разного размера...» Так выглядят краснохолмские рысачки.

Далее мне удалось познакомиться с термосами Киевского стеклотермического завода, которые не сохраняют тепла, с тульскими самоварами, что не держат кипятка. Работники витебского универмага рассказали мне трагикомическую самоварную новеллу.

Как-то к ним прибежал взволнованный покупатель.

— Что вы наделали! — вскричал он. — Вы торпедировали мои взаимоотношения с тещей. Чтобы наладить родственные контакты, я преподнес ей самовар. Вечером старуха вскипятила чай. Едва облачко пара вырвалось из самоварных недр, как из-под крана забил такой гейзер. Кипяток залил стол. Авария! Чеп! Нервная теща восприняла это как диверсию. Дескать, я по дешевке купил ей бракованную вещь! Дескать, не могут же туляки, известные всему миру самоварные мастера, выбросить в продажу такую луженую халтуру!

Оказывается, могут. Одиннадцать самоваров завода «Штамп» пускали фонтанчики кипятка и к тому же стояли только на трех ножках.

Что самовары! Самовары — сложные машины по сравнению с обыкновенным топорищем. Но стоит лишь руке бракодела прикоснуться к такой незатейливой деревяшке, как она никогда не станет топорищем. Шесть тысяч сучковатых, неочищенных, треснувших топорищ вернули витебчане Желудокскому райпромкомбинату Гродненской области. И бракоделы не пикнули, не protestовали. Не вышло — не надо, авось, клонует в другом месте. Ни звука протеста не донеслось и с Курской шпегатно-веревочной фабрики, когда они получили назад взгон шпегата. Того самого шпегата, который рвался от первого прикосновения. Куряне молча оплатили двойную стоимость железнодорожных перевозок, за выгрузку и погрузку. Лишь бы было тихо. Бракоделы не любят гласности.

ОСТОРОЖНО: «НЕМАН»!

На своем веку я видел немало очередей. Мне неоднократно приходилось задавать традиционный вопрос: «Кто последний, я за вами?» — и участвовать в темпераментных дискуссиях на тему «Стоял ли гражданин в шляпе перед гражданином в кепке, или же шляпа, перемахнув через морально-этический барьер, нахально пролезла вперед». Я неоднократно стоял в живой очереди и в очередях, которые регламентировались: а) списком, б) алфавитным указателем, в) календарем, г) почтовыми открытками и даже честным словом. Словом, я стреляный воробей. Но очередь, которую я увидел в витебском магазине культтоваров, сильно пополнила мою коллекцию.

— За чем стоите? — спросил я.

— За «Неманом».

— К продавцу? В кассу?

— Нет.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что это очередь к мастеру, который должен отремонтировать НОВЫЕ телевизоры, прежде чем пустить их в продажу.

Латал «Неманы» худой, остролицый парень по фамилии Свистун. Подгоняемый озлобленной толпой, Валя Свистун работал с предельным напряжением. Новенькие, сверкающие лаком те-

БАЛЛ!

левизоры — и кустарный ремонт тут же, за прилавком! Это противоречило здравому смыслу. Представьте себе пекаря, который допекает в булочной батоны и калачи, выпущенные накануне полусырыми с хлебозавода. Дичь!

Вечером, после закрытия магазина, нам удалось побеседовать с Валей Свистуном. Его шатало от усталости. Ему предстояло отремонтировать еще 60 «Неманов» в универмаге. Свистун из лжепатриотизма пытался выгородить свой завод. Мол, это нетипично. Винозат транспорт.

Дело, разумеется, не в одной партии. Брак на заводе стал повседневным явлением. Недаром минчане держат группу мастеров, которая денно и нощно мотается по стране, чтобы отремонтировать еще не поступившие в продажу телевизоры. Но это лишь начало. После того, как «Неман» покинул прилавок и обрел владельца, начинается второй этап. Ремонт на дому! Точно установлено, что 70 процентов телевизоров не выдерживают гарантийного срока. Гарантийная мастерская забита «Неманами». Образовались новые очереди. Владельцы телевизоров становятся завсегдатями мастерской.

Мы провели анкету среди витебских рабочих, купивших в ноябре телевизоры. Вот их ответы:

Попучка, скажу я вам! 12 ноября купил, 18-го отнес в мастерскую. Спасибо работникам завода. Удружили! Теперь таскайся с такой машиной по мастерским. Мучайся за свои же деньги! (Рабочий домостроительного комбината Виноградов.)

Доставил машину домой. А она поговорила 10 минут — и будь здоров! Молчит, будто воды из Немана набрала! А ведь деньги плачены немалые! 240 рубликов. Рабочему человеку их скопить надо! (Рабочий обувной фабрики Еременко.)

Передайте директору завода мой привет! Телевизор поработал всего 2 дня. Небось, к праздничку они отпартовали о выполнении плана. Еще и премиальные получили. А у нас в чужом пире похмелье! (Помощник мастера фабрики «КИМ» Сергеев.)

Мы не в состоянии привести здесь все высказывания. Читатель нам поверит, что обличающих фактов, саркастических замечаний и гневных фраз с избытком хватило бы на многочасовую речь прокурора о бракоделах.

ЕЩЕ О БАЛЛАХ

Театры миниатюр и куплетисты легко перевоспитывают бракоделов. Эстрадно-педагогическая схема выглядит так. Директор, скажем, часового завода спешит на свидание. Его подводят часы. Изготовленные на его же предприятии. Обиженная невеста уходит к другому. Директорская жизнь разбита, бракодел наказан. Директора-часовщика можно заменить начальником паровозного депо (начальник спешил на свидание, а у его паровоза отлетело колесо) или же заведующего колбасной (отравился собственной колбасой). В итоге бракоделы осознают свои производственные промахи и начинают выдавать нагорь только отличную продукцию. Такова схема. К сожалению, в жизни все бывает иначе.

Бракоделы, как правило, едят доброкачественную колбасу. Такие они хитрые! Их не проймешь глуповатыми эстрадными сюжетами. Бракодел — человек бывалый, жесткий, он себе на уме, он хитер и изворотлив. Одного он боится — гласности! Гнев общественности. Шестьдесят новеньких «Неманов» молчат, как покойники, — не нужно поднимать шума. Не вызывайте экспертов, контролеров, прокуроров. И, представьте, магазины молчат. Откуда такое непротивление злу? Почему, когда торговцев бьют по одной щеке, они подставляют другую? Что за христианское всепрощение?

Магазины и базы очень часто не хотят портить отношений с постащиками. Они все улаят по семейному. Ведь надо побыстрей выполнить свой торговый план. И они становятся добренькими за счет покупателей. Вот тогда бракоделы чувствуют себя в безопасности. Тихо, мирно в торговом доме.

Пора нарушить эту благостную тишину. Надо забыть во все критические барабаны. Пусть забушует шторм. Пусть волны общественного гнева обрушатся на бракоделов. Мы за такой шторм. В 31 балл! Не меньше.

С. ШАТРОВ

Тост № 6

Хочется его назвать медицинским. — Я бы охотно выпил с вами, граждане, но прежде, чем вводить в организм это вино, я хотел бы кратенько остановиться на том ущербе, который приносит нашим организмам как алкогольными напитками, так и неумеренным потреблением острой и жирной пищи. Нет, в самом деле! Вот вы собрались тут, шумите, пьете, закусываете... Ну, Новый год... Кто же спорит? Действительно, он наступил или наступит очень скоро. Но разве это повод для массового отравления наших людей?

Вот я лично прочитал в журнале «Здоровье», что алкоголь, введенный в желудок натошеч, убивает не только имеющийся в желудке желудочный сок, но и те гормоны, которые... в общем, я позабыл, какие там именно гормоны... Помню только рисунок в журнале: гормоны в виде противных штук с ножками... на манер блох... Что? Не портить вам аппетита? Ничего, вам полезно испортить аппетит! Вы уже съели, например, до двухсот граммов консервов. А вы знаете, что в консервах, помимо кислот и разных там сульфатов, име-

ются такие — как бы сказать? — гормоны не гормоны... и не инфузории... а скорее всего ферменты. Вот именно! Ферменты, которые воздействуют на стенки пищевода, как все равно купорос на штукатурку... В том же журнале «Здоровье» я видел схему, на которой было изображено, как эти инфузенты... виноват, фермизоры... в общем, тоже гадкие такие букашки с ножками — они буквально сдирают слизистую оболочку, как чулок с ноги... А вы налегали на севрюгу. В журнале «Здоровье», между прочим, написано, что рыба тухнет скорее других продуктов. Так что теперь уже только вскрытие вашего тела сможет показать, была ли эта севрюга свежей...

Ничего, потерпите! Не так уж часто вам приходится слушать научные выступления... И потом неизвестно, почему вас тошнит: от моей ли речи или оттого, что вы ввели в свой организм чересчур много алкоголя, который, как известно, не только вводит, но и очень скоро выводится... Что? Меня выведете? А я-то алкоголь в себя не вводил, правда? Ну и вот!.. Что ж вы хватаетесь? Ой!.. Куда вы меня? Неужели нельзя среди вас сеять разумное, доброе, вечное... Пустите, я лучше сам уйду!

Шарж КУКРЫНИКСЫ

Сергей Владимирович ОБРАЗЦОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Рисунок Б. САВКОВА

— Опоздала только на час, а он уже рассердился.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ПОДАРОК ЖЕНЕ

Примерка.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ИНСПЕКТОР

Оказывается, в порядке государственных заготовок можно не только закупить зерно, мясо или овощи, но и целый административный район с городами, селами и поселками. Такое открытие сделал А. Махно из Петропавловского района, Днепропетровской области. Вот каким титулом он подписывает официальный документ:

«Главный государственный инспектор по закупкам Петропавловского района А. Махно».

Интересно, почему же ныне продаются районы?

Однако суть не в подписи под бумажкой, а в содержании. Приводим этот уникальный документ целиком:

«Начальнику станции Лозовая. Копия: начальникам станций: Близнецы, Дубово, Бригиновка, Николаевка, Межевая, Славянка, Просыная, Демурено, Павлоград.

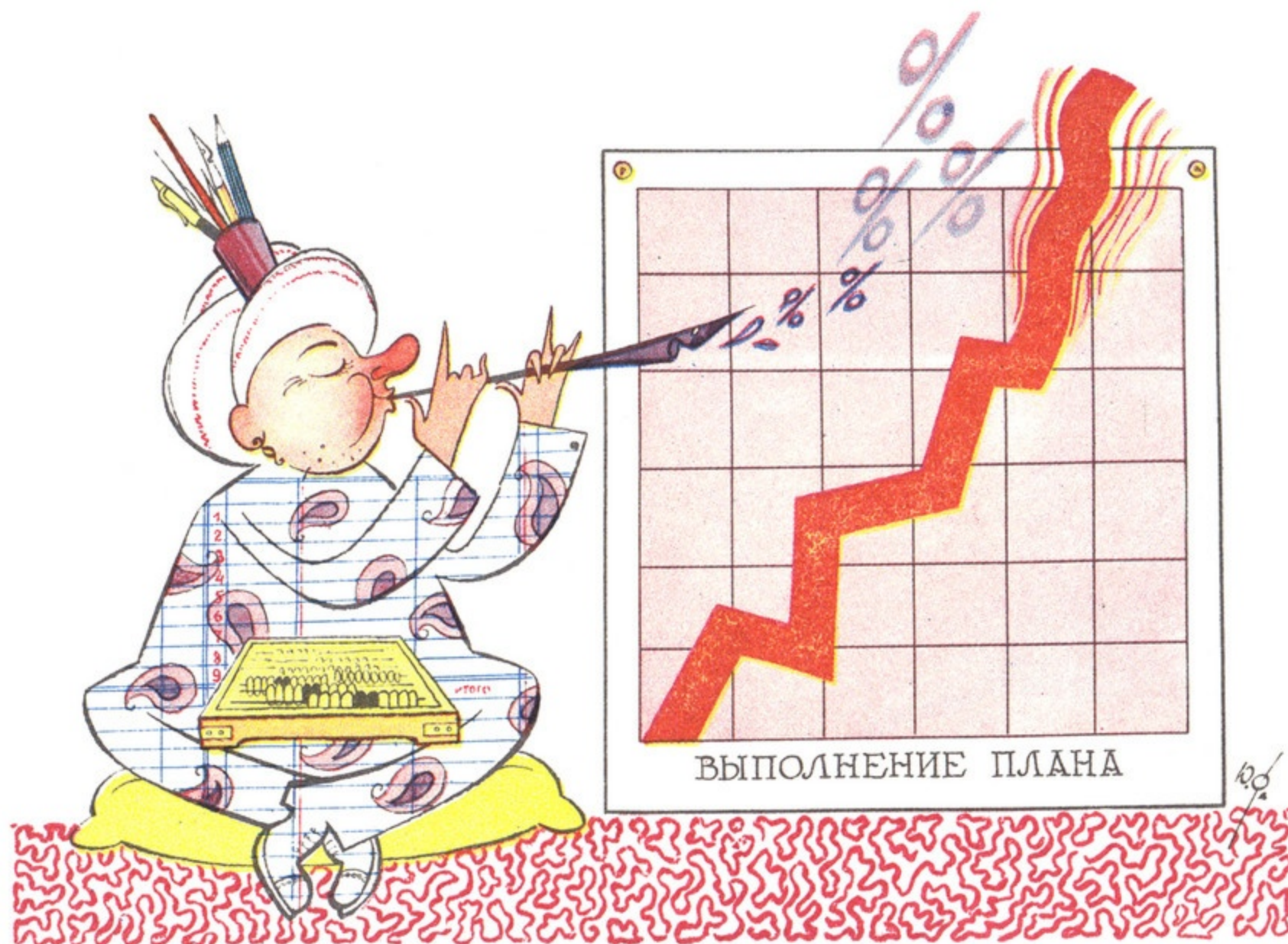
Вы предоставили вагоны колхозу «Авангард» для отгрузки арбузов, чем самым нарушили существующий порядок, согласно которого вагоны предоставляются только при предъявлении справки о выполнении контрактного договора.

Я вправе Вас обвинить в сделке с председателем этого колхоза т. Половым И. С. При повторении подобных случаев я буду требовать через соответствующие органы строгого наказания».

Надо полагать, что каждый начальник станции, прочитавший документ, вначале придет в трепет, а затем подумает: до чего же великодушен этот Махно — мог заподозрить в сделке, но взял и не заподозрил: мог потребовать строгого наказания, но взял и не потребовал. Короче говоря, захочет — казнить, захочет — помилует. Ему бы решать судьбы людей, а он прозябает на скромной должности инспектора «по закупкам района».

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

АРАПСКИЕ ТРЮКИ

Надувает...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Варенье из слив

Свежи когда-то были сливы,
И ароматны, и красивы.
Теперь морщины на боку,
Окраска выглядит иначе,
Пропала свежесть...

Вот что значит
Вариться в собственном соку!

Р. КИРЕЕВ

г. Симферополь.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Двое в темноте

«СВИРИДОВА (через дверь). Кто? ПАРАМОНОВ. Откройте. Шура. СВИРИДОВА (через паузу). Библиотека закрыта до завтра. ПАРАМОНОВ. Так ведь личная. Когда хочу...

СВИРИДОВА (открыла дверь). Входите, коли что забыли. Зачем по ночам покой смущаете, Константин Иванович?

ПАРАМОНОВ. А смущаю?

СВИРИДОВА. Не за тем сюда ехала — мужчинам по ночам двери отворять.

ПАРАМОНОВ. Но ведь придет время — откроешь. Почему не сегодня?

СВИРИДОВА. В женихах ходите.

ПАРАМОНОВ. Невеста не жена.

СВИРИДОВА. Это вы Нырковой говорили. А мне?

ПАРАМОНОВ. Для тебя говорил, Шурочка, для тебя... Задеть хотел. Женщины ревнивы, ревновать, думал, будешь... По лестнице мимо тебя хожу, дела нет, а я взад-вперед, взад-вперед. Слабенькая ты, Шурочка, тоненькая, тебе опора нужна. Чего ждешь? Вот он я, Константин Парамонов, перед тобой. На руках носить буду... Счастливой сделаю. Девки, как бабочки, на свет слетаются и вокруг меня вьются. Думаешь, Ныркова книгами торговать ходит? Или эти... сестры? Странная ты, задумчивая какая-то... Всех развею, от всех откажусь... Ларискино имя забуду.

СВИРИДОВА. Костя! Костя! За что это мне? Никто мне этих слов не говорил, никто так не говорил... Мне радостно, Костя. Я человека искала. О любимом думала... Еще дома гадала: какой он? Твой портрет вырезала, а не думала... А это ты? Ты — мой любимый? Радостно говорить это, стыдно... В первый раз говорю. Двадцать мне, а я в первый раз...

ПАРАМОНОВ. Говори, говори. Я свет погашу. (Повернул выключатель.)

СВИРИДОВА. Не надо, Костя, не надо. Зачем это?

ПАРАМОНОВ. Не при свете такие слова... Ночь для этого придумана... Ночь... Шурочка!

И вот уже полная темнота окутала двоих. И мы остались на некоторое время в темноте и додумали, что случилось, и задумались над тем, что случится».

(Отрывок из пьесы «Идут поезда...» Ю. Шевкуненко, опубликованной в № 11 журнала «Театр».)

«Суд считает необходимым при определении меры наказания учесть, что период с августа 1947 года по октябрь 1953 года, в течение которого Маров скрывался под страхом уголовного наказания за совершенную растрату, оказал на него соответствующее воспитательное значение».

(Из приговора нарсуда.)

«Начав с небольшого нарушения общественного порядка, т. е. нарушения вокзальных правил попытки прохода на перрон в пьяном виде, Думбровский в дальнейшем все более становится агрессивным и действия его приняла злостный хулиганский характер и составили идеальную совокупность двух преступлений — хулиганства и сопротивления».

(Из приговора нарсуда.)

Записал А. ГОЛОВЕШКИН.

Архангельская область.

«...И глядя на его широкую спину, обтянутую добротным ватником, крепко сложенную фигуру, уверенно шагающую за плугом, верилось, что урожай картофеля будет хорошим...»

(Из газеты «За коммунизм», с. Тюттет, Красноярского края.)

«Последний рейс на автомашине «Москвич» совершил сам управляющий Лагутин Н. Ф. в с. Пырлицу, где на обратном пути опрокинул бедного «Москвича» и в данное время он, «Москвич», уже отбегался, стоит спокойно в гараже райконторы».

(Из акта ревизии.)

Выписку сделали В. ЖУЛА, М. ПРЫТКОВ.

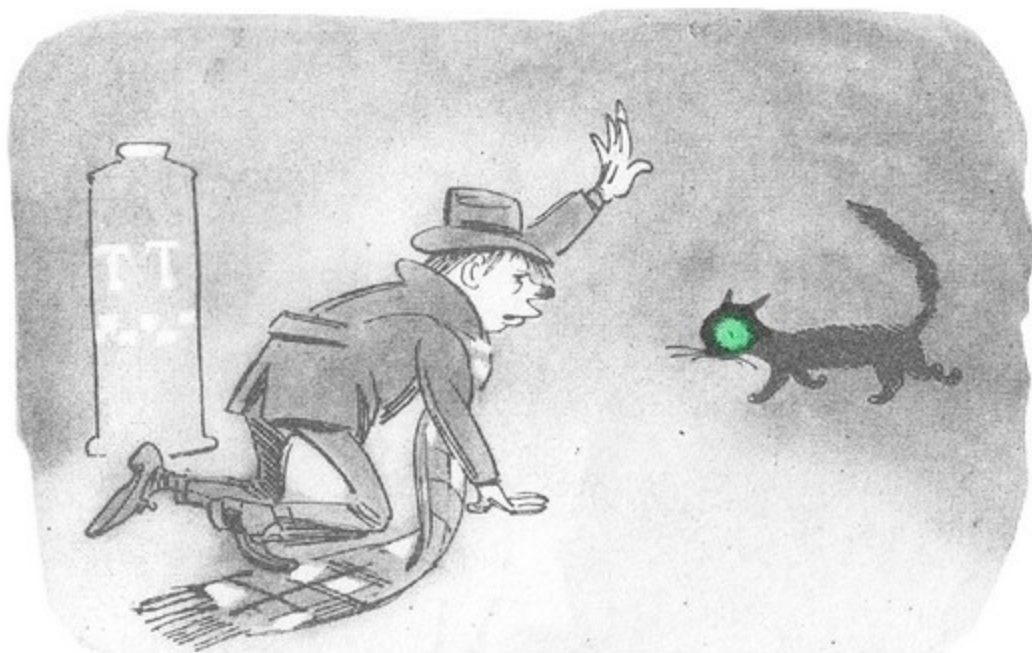
В НАДЕЖНОМ МЕСТЕ

— Достать моторы хоть из-под земли! —
Сказал директор энского завода.
Иначе их достать и не могли —
Они ржавели там четыре года...

ВОПРОС НЕ ПО СУЩЕСТВУ

— Для чего тебе, контора,
К двум машинам три шофера!
Очевидно, третий лишний!
— Нет, ошиблись: третий — личный!

Рисунок М. БИТНОГО

— Наконец-то зеленый глазок!

ЗЕРНА ПЕРЦА

Его проделки стали всем известны,
Очковтиратель сел. Куда? В другое кресло.

Плотицы щуку взяли на поруки.
Домой пошли они уже в желудке щуки.

К. ЗЫКОВ

Рязанская область.

НА СЛОВЕ

Однажды словом неприличным назвал
Один из прохожих другого...
— Ловлю вас на слове! — дружинник сказал
И тут же забрал сквернословия.

О НАРЯДАХ

Когда бы честно закрывал прораб
Рабочим ежемесячно наряды,—
Тогда жена прораба не смогла б
Сто раз на дню менять свои наряды!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ПРОИСШЕСТВИЯ

Таежные буренки

Один известный в Комсомольском районе, Хабаровского края, дед-следопыт, выслеживая в тайге рысь, набрел случайно на останки загадочного зверя. Величиной зверь был, по-видимому, с матерого медведя, фигурой напоминал лося. Однако вместо благородных ветвистых рогов череп украшали острые... рожки.

Вскоре дед обнаружил еще один точно такой же скелет, затем второй, третий... Количество валявшихся в тайге костей росло по принципу: чем дальше в лес, тем больше дров.

— Эге! — смекнул дотошный дед. — Раз есть кости, быть и самому зверю!

И в самом деле, через несколько дней следопыт подвергся нападению страшного чудовища. Подпустив деда почти вплотную, хищник стрелой выскочил из чащи и кинулся на охотника. Нападение было столь стремительным и неожиданным, что дед вынужден был спешно ретироваться.

О необычайной истории, приключившейся со следопытом, узнали во всем районе. Начались суды-пересуды. Великое брожение умов поднялось среди местных знатоков природы. Одни высказывали предположение, будто встреченный следопытом зверь — это случайно сохранившийся до наших дней карликовый мастодонт. Другие утверждали, будто это не что иное, как саблезубый тигр.

Прослышали о случившемся и в совхозе «Селихинский». В отличие от знатоков природы руководители совхоза не стали копаться в дебрях истории. К решению загадки они подошли с более деловых позиций:

— А не наши ли это буренки, случаем, в тайге шалят?

Директор совхоза Кузьмин и главный бухгалтер Ермашов, захватив ружья, поспешили в тайгу. Там, к стыду деда-следопыта, они установили, что встреченный им зверь не что иное, как обычная домашняя корова, приписанная к совхозу «Селихинский».

Вскоре подоспели и контролеры-ревизоры Министерства финансов по городу Комсомольску. Пользуясь присутствием руководителей совхоза, они составили акт, который мы и приводим в несколько урезанном виде:

«Произведенной проверкой от 19 августа 1961 г. в присутствии главного бухгалтера совхоза Ермашова по снятию остатков наличия крупного рогатого скота... установлено...

По Орловскому отделению с сохранностью крупного рогатого скота обстоит крайне плохо. Вследствие того, что скот в количестве 398 голов не был закреплен за пастухами, был утерен всем стадом в лесу 18.VII.61 г., и на 9 августа 1961 г. разыскано было 204 головы.

По состоянию на 20.VIII.61 г. оставалось не разыскано крупного рогатого скота 99 голов, и найдено было 16 голов, которые были задраны зверем.

Поиски указанного скота продолжают...

Так акт по снятию остатков крупного рогатого скота помог раскрыть тайну загадочных останков.

Теперь следопыты-охотники, услышав в тайге страшный рев, не мечутся в страхе. Они знают, что эти душераздирающие вопли издают не саблезубые тигры, а совхозные коровы.

А. ГОЛУБ,

специальный корреспондент Крокодила

Комсомольский район,
Хабаровского края.

С новым годом, товарищи!

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

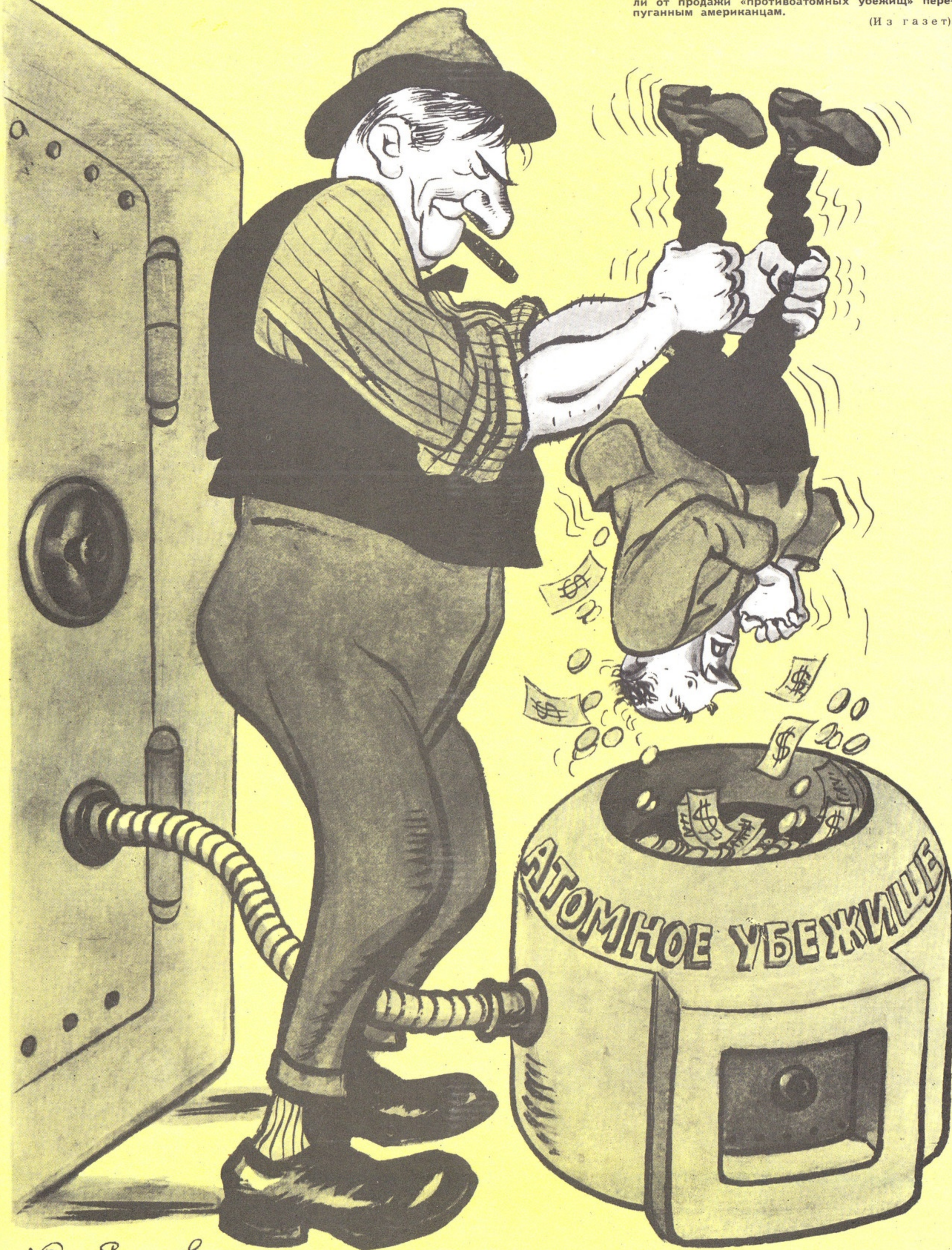
Издательство «Правда».

А 00396. Изд. № 2269. Подписано к печати 19/XII 1961 г. Формат бум. 70×108/16. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 3274. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, ул. «Правды», 24.

Сознательно разжигая атомную панику, американские монополисты получают огромные прибыли от продажи «противоатомных убежищ» перепуганным американцам.

(Из газет).

Бор. Ефимов - 61

— Чем больше они трясутся, тем устойчивее американская экономика!